

УДК82.09(470.621)

ББК 83.3 Ады

Ш 16

Шаззо Шамсет Еристановна, заведующая отделом литературы АРИГИ.

**К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ЗАРОЖДЕНИЯ НОВОЙ
АДЫГЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ**

(рецензирована)

В статье исследуются социально-политические и духовно-нравственные обстоятельства в пору возникновения новой адыгейской поэзии, анализируются сложнейшие ситуации в деятельности молодых авторов, процессы, как в общественной, так и в художественно-поэтической их работе, характер и взаимодействие эпохи и порожденного ею нового лирического творчества.

Ключевые слова: эпоха, жанровая разновидность, поэтическое слово, публицистика, большевистская теория новой литературы, лирическое, эпическое.

Shazzo Shamset Eristemovna, head of the Department of Literature of ARIHR.

**ON THE CHARACTERISTICS OF CIRCUMSTANCES OF ORIGIN OF THE NEW
ADYGH POETRY**

(reviewed)

The article investigates the socio-political, spiritual and moral circumstances at the time of appearing of a new Adygh poetry, analyzes the difficult situations in the activities of young writers, processes, both in public and in their artistic and poetic work, the nature and interaction of age and generated new lyric creativity.

Keywords: age, type of genre, the poetic word, journalism, the Bolshevik theory of modern literature, lyric, epic.

**Размышления о возникновении и развитии новописьменной
адыгейской поэзии. К 100-летию со дня рождения Ахмеда Хаткова**

События осенью 1917 года оказались ключевыми в истории Российской империи, в том числе и в Адыгее: появилось множество новых лозунгов – вся власть народу, землю крестьянам, мир народам, хлеб голодным. Лозунги, надо сказать,

весьма привлекательные, хотя многие из них уже были сказаны не раз, например, в Париже 1871 года. По мысли большевиков, они должны были изменить форму и содержание жизни страны, независимо от того, каким образом это произойдет. Необходимо пролить много братской крови – прольем, лишь бы стать у власти, дать ее в руки победившего пролетариата. Правда, из тех, кто стремился к власти, вручить ее «униженному и оскорбленному» пролетариату так никто и не собирался – желающих ею владеть там, наверху, ох, как было много... Как и сейчас. Что ж, так происходило всегда, очевидно, так будет происходить и впредь.

В итоге долгих «классовых» боев народ «получил» разоренную страну, еще меньше стало у него хлеба и мануфактуры, зато, как грибы, стали вырастать гигантские заводы – опять-таки, ценой крови миллионов и миллионов тех же рабочих и тех же крестьян – империя индустриализировалась: будет трактор – будет хлеб, надеялись пролетарии. Но все, наоборот, вместо тракторов и сеялок – танки, пушки. Империя готовилась к «мировой революции».

А что же в духовной жизни? – в литературе, искусстве, просвещении? Там тоже шла такая же подготовка к новой войне – «если враг не сдастся, его уничтожают» и т.д. То есть, нужен был новый человек, новый герой, который изменит лицо земли, кто разрушит «мир до основания», а затем построит новый. Судьбы малых народов были подчинены основным, стратегическим задачам империи.

В этих условиях «зародилась» и *адыгейская, новая, художественная, социалистическая по содержанию, национальная по форме* литература. Зародилась означает – родилась самостоятельно... Родилась она самостоятельно и успешно развивалась доселе. А теперь *заставили ее родиться заново*, но на другой почве – на почве обязательно коммунистической (то бишь – большевистской) направленности по содержанию, а по форме – национальной. А в самом деле, именно национальной-то формы и не желали ей власть *предержащие*. Им-то нужно было другое... Об этом речь.

Это делалось очень осторожно, но чрезвычайно мастерски, как говорится, комар носу не подточит. Идеолог В.И. Ульянов был многомудрым и многоопытным в построении идеолого-философски-духовных ловушек. Этому он научил многих других, их сотни и нет надобности называть их имена (от Г.А. Богданова до Л. Авербаха и иже с ними...). Смысл этой ловушки: Владимир Ульянов приказал

немедленно развернуть формирование письменности, системы школ, библиотек у народов, которые их не имели; при этом – обязательно на языке этих народов... Прогресс по тем временам невероятный для тех народов и народностей – вдруг адыг стал писать и изъясняться на родном языке, не только адыг, но и все другие, «и друг степей калмык». Так выглядела общая картина. Ее рисовали искусно и методически безупречно. Но медаль имеет две стороны. Одна, в данном случае, – позитивная. Надо быть совершенным идиотом, чтобы выступить против идеи всеобщего образования, ликвидации безграмотности. Тем более, что в этом деле действительно было сделано много. Народ учился грамоте и вскоре выучился писать и читать. Другая сторона медали – для чего? Для каких дел и свершений? Здесь антигуманистические цели и содержание предлагаемого проводимого всеобщего образования были очевидны.

Все писавшие о 20-30-х годах нашей литературной судьбы отмечают и до сих пор положительную программу усилий «новых властей» по ускоренному образованию всего народа и созданию художественной литературы... Верная идея, тем не менее, имеет ряд нерасшифрованных обстоятельств, которые вскрывают ее негативную сторону, разрушающе повлиявшую на дальнейшее развитие и обогащение национального поэтического слова, вообще отечественной литературы в целом. Трудно сказать, что дело происходило не так, а иначе, потому что народы поверили в содержательный пафос новых лозунгов и призывов. А главный предводитель масс давно теоретически обосновал объективность такого всенародного порыва к революционным преобразованиям: «Революция – праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции» [1, с. 103]. Конечно, идеологи поддерживали своего кумира на всех уровнях, и в течение десятилетий множили его мысли и рассуждения, благо размножить, тиражировать было больше чем достаточно. Хотя бы его учение о двух культурах внутри одной национальной культуры, «которое дает в наши руки методологический ключ для понимания самых сложных явлений в художественной жизни народа. Такая предельно четкая постановка вопроса – о необходимости видеть борьбу двух культур в каждой национальной культуре в условиях антагонистического общественного строя, полностью относится и к адыгейскому фольклору» [2, с. 73], – утверждает профессор А. Схалыхо. Он приводит десятки документов, постановлений, решений [2, с. 72-80], в

которых языком указов говорится о необходимости образования и просвещения народа: «...выяснить состояние дел просвещения среди каждого народа и племени в отдельности, выяснить, как обстоит с грамотностью, печатью и пр. и изыскать пути и средства и наметить план расширения и улучшения их», – отмечалось в одном из постановлений Югвостбюро ЦК РКП(б). Или такое постановление: «Приступить в ударном порядке к изданию литературы на черкесском языке» (из решения Оргбюро РКП(б) АЧАО (26 марта 1924 г.) [2, с. 76].

Таких решений и постановлений – сотни, тысячи во всех национальных республиках и областях. Какова цель? – «Перед вами стоит задача, чтобы и дальше заботиться о том, чтобы внутри каждой страны, на понятном для народа языке велась коммунистическая пропаганда [3, с. 248], – говорил В. Ульянов в 1919 году коммунистам Востока. Партия за это же, то есть «за развитие принципиальной марксистской литературы на родном языке [3, с. 264]. Зарождающуюся литературу и культуру В. Ульянов и партия большевиков решили взять в свои руки.

«Не отдавать», «взять в свои руки» культуру, литературу – главные положения бухаринской концепции партийного руководства литературой: «Мы руководства из своих рук не можем выпускать, на что имеем историческое право, и то, что нам вменяется в вину, это есть с точки зрения коммунистической величайшая добродетель» [5, с. 106]. Еще точнее о том, какими должны быть новые люди, новая литература, новый герой и т.д.: «Нам, большевикам, необходимо, чтобы кадры интеллигенции были натренированы идеологически на определенный манер. Да, мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их как на фабрике» [5, с. 108], а это нужно, то есть то, «что мы других людей вырабатываем для того, чтобы устроить другой порядок» (там же). В интересной и смелой книге А. Тхакушинова «Культура и власть» (Майкоп, 1997), кстати, не оцененной критикой как она заслуживает, глубоко исследована ситуация в 20-30-х годах русской творческой интеллигенции; в ней показаны ложные пути так называемой новой культуры: «Кастовая, тем паче классовая культура, проповедь идеи о разных культурах внутри одной национальной культуры ничего позитивного, кроме разрушения самой культуры, не дала. Естественно, что ни Пушкин, ни Толстой не кончали большевистских вузов, а что большевистским студентам их не изучать?» [6, с. 15]. Далее А. Тхакушинов цитирует слова Н. Бухарина, которые не имеют себе равных по их разрушительно-

идеологической сути: «Когда говорят, что надо дать свободу творчеству, то сейчас у нас возникает вопрос о свободе проповедывать монархизм, или в области философии свободу идеалистам кантианского пошиба с субстанцией. При такой свободе из наших вузов выходили бы культурные работники, которые могли работать и в Праге, и в Москве. А мы желаем таких работников, которые могут работать только в Москве» [6, с. 109]. Ни больше – но и не меньше. А. Тхакушинов комментирует эти слова: «то есть работников, напичканных ограниченными идеологическим тестами, манкуртов, не помнящих ни собственных матерей, ни заповедей культуры и гуманизма, а произносящих кем-то заготовленные штампы, клише, словечки без общечеловеческих идей» [6, с. 15-16].

Как видите, Н. Бухарин и иже с ним предлагали литературе в целом (отечественной) быть другой, писателям – быть другими, – это в большой, как русская, украинская литературе. Лозунг «переделаться всем» – «идет огромная переделка человеческого материала» (Фадеев) – оказался для новописьменных литератур требованием быть коммунистической, а молодым новописьменным писателям быть только большевиками. А. Тхакушинов резюмирует: «...возникла сложнейшая проблема: если есть или появляется литература, то должен же быть читатель, для которого она создается И при этом создается не просто художественная литература, а литература социально сверху ориентированная, литература на большевистских идеологических дрожжах. Естественно, что и читатель должен быть социально ориентированным, идеологически воспитанным в духе новых понятий, отношений, социальных задач. Соотношение «писатель-читатель» становится замкнутым кругом. Писатель пишет те произведения, которые нужны для укрепления идеологии господствующего класса, а последний формирует именно такого читателя, которому неведомы другие произведения, нежели идеологически разрешенные» [7, с. 43]. М. Горький это сформулировал иначе, другими словам, но точно: «Самый лучший, ценный – и в то время – самый внимательный и строгий читатель наших дней – это грамотный рабочий, грамотный мужик-демократ» [8, с. 321-322].

Проблема новописьменной литературы, только что возникавшей, оказалась чрезвычайно сложной и трудной. Не говорим, какая она была, поэзия? Потому что она не могла быть иной, кроме как большевистской, коммунистической. Другие тенденции и мотивы в ней находили идеологическую отповедь не только в 20-30-х

годах, но и в недалеком прошлом. Так на острие идеологического лука было воспринято возможное влияние на зарождающуюся литературу традиций восточной поэтической классики – особенно в Дагестане, где шла настоящая борьба против большинства поэтов разноязыкой «страны гор», в том числе и против Гамзата Цадасы. Такая позиция обнаруживается, к сожалению, во многих современных публикациях, – позиция открытого непризнания традиций восточного поэтического и философского мышления, под покровом которого якобы проникают в новую поэзию идеи мусульманского духовенства. Конечно же, идея о триумфальном и общенародном признании в Адыгее революции и ее влиянии на массы далеко не объективна. Также не объективна и мысль о безболезненном зарождении новописьменной литературы и культуры. Здесь нерешенных проблем много – в первую очередь для исследователей истории, характера социальных и общественно-политических движений в Адыгее. А пока в ходу были (и еще есть – !) утверждения декларативно-лозунгового характера, суть которых – по мановению волшебной палочки зародилась новая литература: «Адыгейская литература принадлежит к числу самых молодых литератур Советского Союза, зародившихся в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции и получивших возможность быстрого развития и становления благодаря осуществлению ленинской национальной политики Коммунистической партии», – так сказано в книге, написанной и изданной в 1967 году к 50-летию Адыгеи (Октябрём озаренная. Майкоп, 1967. С. 187). Допустим (хотя и не следовало бы), юбилейная книжка, праздничные дела и торжественно-мажорный стиль. Но то же самое можем прочесть в книгах, изданных гораздо позднее: «Конфликты и характеры, порожденные революцией и развитием социалистических идей после нее, обусловили пути зарождения и становления молодых литератур, в том числе кабардинской, черкесской и адыгейской. Сложность и многообразие форм их возникновения диктовались исключительным новаторством эпохи. Идеиная дифференциация общества, открывшая новые пути к прогрессу, проложила основные русла для развивающихся национальных литератур», [9, с. 48] – отмечает другой автор. Литература возникала не так легко, как мы писали все годы советского периода.

Авторы идеи о быстром зарождении и ускоренно-плодотворном развитии младописьменных литератур, в том числе и адыгейской, на наш взгляд, не учитывают одного, очень важного обстоятельства: не только новописьменные (или как было

принято их называть – младописьменные) литературы легко и быстро не развивались, но и зрелые, очень опытные литературы и литературы «страны победившей революции» с великими потерями и чудовищно невероятными «испытаниями» приходили к тому, чтобы осознать идеи нового времени. Лучшие из писателей России – М. Горький, Вл. Маяковский, М. Шолохов, М. Пришвин, А. Толстой, М. Булгаков, А. Платонов, Ю. Тынянов, Ильф и Петров, С. Есенин, Б. Пастернак (еще немало имен) так до конца и не смогли принять антинародную и антигуманистическую идеологию большевиков и их эстетических радетелей в лице рапповского руководства (в нем были, кроме Авербаха, между прочим, и А. Фадеев, и Ю. Либединский и т.д.). Пролеткультовско-рапповская идеология подавления всех инакомыслящих стала важнейшей эстетической и философской платформой новой культуры и литературы, на которой для многих просто не оказалось места – а их десятки, и десятки первоклассных мастеров художественного слова. Поэтому о плодотворном развитии новой русской (равно – украинской, белорусской, грузинской или азербайджанской) литературы просто не приходится говорить. Если же серьезная национально-русская литература продолжала быть и тогда, в 20-30-х годах, то только та, которая была в оппозиции к официально-партийной или та, которая была «в подполье» и, скорее всего, та, которая находилась за рубежом.

В молодых, новописьменных литературах специально и последовательно насаждалось пролеткультовско-рапповское идеологическое миропонимание, и оценка происходящих в жизни общества событий могла быть в сознании малоопытных литераторов только однозначно-пролеткультовской, рапповской, то есть вульгарно-социологической, узко-классово-партийной. Такой она и была в течение долгого времени; и если в ней были какие-то положительно-художественные зерна (а они, несомненно, были!), то они произрастали на почве и на ниве национально-адыгского фольклора и вопреки (не открытой, разумеется), обильно удобренной социально-партийной идеологией власти.

Речь, видимо, следует вести не о рождении новой литературы, имея в виду, скажем, адыгейскую, а о трудном возрождении сложного и многогранного процесса развития художественного слова, прерванного трагическими событиями осени 1917 года в России. А идеологические модели, которые были предложены теоретиками и эстетиками от большевизма, скорее всего, должны были и могли бы явить в поэзию (в

искусство вообще) только художественные штампы, клише и кальки, которые не могли бы выйти за рамки обозначенной мысли, за линии известной схемы: «черное = белое» → «старое = новое», что становилось и методологией, и поэтической системой, и стилем, и, если хотите, жанровым определителем. Отсюда задача: заклеить острым, боевым политическим словом старое (царское, капиталистическое, помещичье феодальное, клерикально-духовенское, эксплуататорско-кулацкое) и воспеть новое (социальную свободу, торжествующий труд, партию большевиков, Ленина, затем других, комсомол, пионерию). О жизни настоящей, трудной, сложной, сплетенной из множества противоречий, о проблемах общества и личности, духовных, нравственных ее исканиях поэзия не говорила и говорить не могла.

Мы – сыны свободной страны,
Мы – сыны большой страны,
В пору крушения старого мира,
Когда год очень тяжелый,
Когда рекой кровь потекла,
Мы родились (подстрочный перевод) [10, с. 71]

В этой строфе все, как в «Интернационале» – и в начале, и в конце, но редко кто из писавших о Хаткове замечал, что уже тогда молодой поэт «умел между строк прятать», может быть, мысли, ради которых он написал данное стихотворение – *«гъэр зыщыхьылъэу лъэр зыщагъачъэрэм»*: в то время, когда год был тяжелым и когда заставили крови течь – самый дословный перевод. Не думаю, что молодому поэту неведомо было то, о чем писать. Он пишет о свободной стране, о большом государстве, о крушении старого мира; но в этом мажорно-патриотическом контексте трудно находят свое место мысли о тяжелом времени, о невинной крови и т.д. Но они туда и помещены и достаточно опытно и искусно построенном (ритмически и в смысле рифмовки) стихе спрятаны. Но любимая мысль на этом не заканчивает свое пребывание в стиховом ряду:

И горе горестное,
И раны большие,
И лишние смерти
Для нас знакомы,
Но кровь водою пускаем течь,

Перед ненавистным старым врагом

Мы заслоном лежим [10, с. 71].

Каждая строфа подчинена единой структурно-логической мысли – нам трудно, мы погибаем, кровь льем, но свободу свою защищаем. То есть основной мотив связан с идеологической программой большевиков, иначе и не мог бы молодой поэт поступить, в противном случае он попал бы сразу в стан врагов, « которых надо уничтожить». Но для Хаткова был уже тогда верный художественный ориентир – то, что мы называем главной правдой эпохи нередко оборачивается тяжелой борьбой, кровью, смертью, разрушением жизни, о которых он открыто поведать был не в состоянии. Общий тон его поэзии – мажорный, как и всей адыгейской, как всей официальной поэзии 20-х годов в России:

Мы – несметные, грозные легионы труда.

Мы победим пространства морей, океанов и суши.

Светом искусственных солнц мы зажгли города,

Пожаром восстаний горят наши гордые души,

писал в стихотворении «Мы» В. Кириллов. Или другой поэт, ничем не отличающихся в следующих строках от предыдущего:

Мы – Поступь, мы – Дыханье иных Веков Прекрасных,

Мы – сердце, мозг трудящихся, их лучшие цветы,

Мы – слитность Миротворения Трудом стремлений властных [11, с. 318].

Автор этих строк Илья Садофьев. Конечно, в этих строках нет ничего от подлинной лирики – лозунги, декларации, поэтическая риторика, ловко и мастерски зарифмованная. В этом контексте развивалась и молодая национальная поэзия.

Литература:

1. В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 11. С. 103.
2. Схалыхо А. Идеино-художественное становление адыгейской литературы. Майкоп, 1988.
3. О партийной и советской печати. М., 1954. С. 248.
4. Там же. С. 264.
5. Бухарин Н. Путь к социализму. Новосибирск, 1990. С. 106.
6. Тхакушинов А. Культура и власть. Майкоп, 1997. С. 15-16.

7. Тхакушинов А. В зеркале социологии. Майкоп, 1995. С. 43.
8. Горький М. Собрание сочинений. В 30 т. М., 1953. Т. 28. С. 321-322.
9. Шаззо К. Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгских литературах. Тбилиси, 1978. С. 48.
10. Хатков А. Живи, человек. Майкоп, 1959. С. 71.
11. Пролетарские писатели. М., 1925. С. 318.

References:

1. *Lenin V.I. Complete works. V. 11. P. 103.*
2. *Skhalyakho A. Ideological and artistic establishment of Adygh literature. Maikop, 1988. p. 76.*
3. *On the Party and the Soviet press. M, 1954. p. 248.*
4. *The same. P. 264.*
5. *Bukharin N. Way to Socialism . Novosibirsk, 1990. P. 106.*
6. *Tkhakushinov A. K. Culture and Power. Maikop, 1997. p. 15-16.*
7. *Tkhakushinov A. K. In the mirror of sociology, Maikop, 1995. p. 43.*
8. *Gorky M. Collected works in 30 vol. M, 1953. V. 28. p. 321-322.*
9. *Shazzo K.G. Art conflict and the evolution of artistic genres in the Adygh literature. Tbilisi, 1978. p. 48.*
10. *Khatkov A. Live, man. Maikop, 1959. p. 71.*
11. *Proletarian writers. M, 1925. p. 318.*